

2020.04.003. **Дмитриева Е.Л.**
ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В СОВРЕМЕННЫХ
РОССИЙСКО-ТУРКМЕНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
(Сводный реферат)

1. *Гарбузарова Е.Г.* Россия в Туркменистане: курс на укрепление сотрудничества // *Проблемы постсоветского пространства*. 2020. Т. 7. № 1. С. 63–72.

2. *Орлова Е.Р., Коваль О.Г.* Туркменистан и Россия как конкуренты в части энергетического экспорта в КНР // *Теория и практика экономики и предпринимательства. Материалы XVII Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. КФУ им. В.И. Вернадского. Симферополь, 2020.* С. 66–67.

3. *Муратишина К.Г.* Институты гуманитарного сотрудничества между Российской Федерацией и Туркменистаном // *Власть*. 2020. Т. 28. № 4. С. 245–252.

Ключевые слова: Россия; Туркменистан; сотрудничество; региональная безопасность; углеводороды; энергетический экспорт; оружейный импорт; гуманитарное сотрудничество; культурные обмены.

Е.Г. Гарбузарова [1], анализируя состояние российско-туркменских отношений, отмечает их активизацию в последнее время, которая обусловлена возвратом российского «Газпрома» на энергетический рынок Туркменистана в 2019 г. До этого момента российско-туркменское сотрудничество носило ограниченный характер по причине нейтрального статуса Туркменистана на международной арене, а также из-за бездействия России на постсоветском пространстве в 90-е годы прошлого века в силу своих внутренних политических проблем. Туркменистан, получив в 1995 г. статус нейтрального государства, стремился дистанцироваться от России и избегал любых форматов многостороннего взаимодействия.

Устойчивое экономическое развитие Туркменистана напрямую зависит от экспорта углеводородов, поэтому Туркменистан старается диверсифицировать маршруты транспортировки углеводородных ресурсов. С момента обретения независимости власти Туркменистана старались несколько завязать данные по запасам углеводородных ресурсов с целью привлечь иностранный капитал к разработке нефтегазовых месторождений. Страна занимает четвертое место в мире по запасам газа после России, Ирана и Катара

и активно реализует проекты, предлагаемые Европейским союзом, Китаем и Ираном. Автор отмечает, что Россия является одним из транзитеров туркменских углеводородов. В 2003 г. было заключено соглашение между Россией и Туркменистаном, предусматривающее поставки газа в Россию в течение 25 лет.

Останавливаясь на истории взаимоотношений двух стран, автор напоминает, что их сотрудничество в газовой сфере было далеко не безоблачным. Чрезмерная активность США и ЕС в Прикаспийском регионе вынуждала Россию разрабатывать новые проекты сотрудничества с Туркменистаном в энергетической сфере, которые позволяли бы укрепить позиции России на Каспии. Таким проектом стал Прикаспийский газопровод, однако боязнь оказаться в сильной зависимости от России подтолкнула власти Туркменистана пересмотреть свои планы по данному проекту и исключить в нем участие российского «Газпрома». В 2009–2010 гг. Россия приняла решение снизить закупки туркменского газа, а потом и приостановить его импорт более чем на полгода. Постепенно снижая закупки туркменского газа, в 2016 г. российский «Газпром» принял решение вообще отказаться от импорта газа из Туркменистана. Разногласия касались цен на газ, договориться о которых две стороны так и не смогли. В ответ на это власти Туркменистана стали активно развивать нефтегазовое сотрудничество с Китаем и Ираном.

Официальный визит Президента России в Туркменистан в 2017 г. ознаменовал начало нового этапа в сотрудничестве двух государств. В ходе визита обсуждались не только вопросы экономического сотрудничества между двумя странами, но и проблемы региональной безопасности, связанные с напряженной ситуацией в Афганистане. По мнению автора, Ашхабад рассматривает Россию скорее как фактор своего экономического развития и не заинтересован в развитии военно-политического сотрудничества с Россией. Власти Туркменистана пока самостоятельно справляются с возникающей напряженностью на туркменско-афганской границе. Для Москвы же обеспечение безопасности в Центральной Азии является приоритетной задачей.

Неожиданным стало предложение президента Туркменистана, адресованное России, принять участие в строительстве магистрального трубопровода ТАПИ (Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия). Ранее Россия неоднократно выражала готовность принять участие в проекте, однако ее предложения не находили поддержки у участников проекта. Это объясняется геополитическим

характером проекта, продвигаемого США с целью ограничить влияние России в Центральной Азии. Присоединение России к проекту ТАПИ могло бы решить для России сразу две задачи: во-первых, усилить ее роль в обеспечении региональной безопасности, во-вторых, повысить ее влияние в регионе. Однако есть другой газовый проект, который идет вразрез с интересами России в Прикаспийском регионе и в Центральной Азии. Речь идет о проекте Транскаспийского газопровода (ТКГП) из Туркменистана в Азербайджан, планы по реализации которого уже насчитывают не одно десятилетие, но в последнее время вновь стал подниматься вопрос о его строительстве. США и ЕС, лоббируя данный проект, преследуют важные геополитические интересы в регионе и предлагают прикаспийским государствам варианты, имеющие антироссийскую окраску. Активизация деятельности стран Запада в Прикаспийском регионе стала причиной возврата «Газпрома» к покупке туркменского газа.

Если в первые годы своей независимости Туркменистан стремился к диверсификации газовых маршрутов в направлении ЕС и Китая, минуя Россию, то на современном этапе Ашхабад начинает рассматривать Россию в качестве альтернативы, в первую очередь, Китаю, который, по сути, стал основным экспортером туркменского газа. Китай до настоящего времени не проявлял активности в строительстве четвертой нитки газопровода Центральная Азия – Китай. Интересно, что действующая трубопроводная магистраль Туркменистан – Китай по своей мощности рассчитана на 55 млрд куб. м газа, а заполняется всего на 36 млрд куб. м.

Автор полагает, что решение «Газпрома» о возобновлении поставок туркменского газа в Россию скорее связано с интересами обеспечения безопасности в регионе, нежели с желанием закупать туркменский газ. На данный момент власти Туркменистана не спешат взаимодействовать по вопросам укрепления региональной безопасности с Россией, полагаясь на свою собственную военную силу. Но ситуация на границе с Афганистаном диктует России необходимость усиления ее военно-политического влияния в Центральной Азии. И Россия, и Туркменистан заинтересованы в своевременном реагировании на дестабилизацию ситуации на афганотуркменской границе. Россия имеет опыт практической борьбы с террористами на Ближнем Востоке, а у Туркменистана такого опыта ведения войны против радикальных экстремистов и террористов нет. Если во времена президентства С. Ниязова удалось заключить пакт с талибами о ненападении и добиться снижения

напряженности на афгано-туркменской границе, то в настоящее время реализация такого сценария развития событий исключена. На данный же момент власти Туркменистана пока отказывают России в военном сотрудничестве, ограничиваясь лишь закупкой военной техники, и склоняются в сторону военного сближения с Узбекистаном.

Автор ссылается на мнение экспертов, которые говорят об отсутствии у России потребностей в приобретении газа у Туркменистана из-за проблем с его окупаемостью. Кроме того, раньше туркменский газ поставлялся на Украину, но в последние годы такие поставки были приостановлены. Поэтому причины возобновления импорта туркменского газа Россией носят политический характер с целью получения внешнеэкономических и внешнеполитических уступок со стороны Туркменистана. Приоритетом внешней политики России в Туркменистане является недопущение прорыва туркменско-афганской границы, которая находится в состоянии перманентной нестабильности. Возобновляя покупки туркменского газа, Россия рассчитывает на лояльность со стороны туркменского руководства в вопросах безопасности, что подразумевает тесную координацию деятельности спецслужб, правоохранительных органов и постоянный обмен информацией.

Возвращение «Газпрома» в Туркменистан может решить две главные задачи для российской внешней политики в Центральной Азии: во-первых, блокируется возможность усиления позиций третьих стран в регионе, следовательно, неясной становится перспектива строительства Транскаспийского трубопровода; во-вторых, Россия получает шанс заполнить «Турецкий поток» туркменским газом, что, в свою очередь, снизит транспортные издержки и позволит перенаправить газ с месторождений Ямала и Западной Сибири на проекты «Северный поток-2» и «Балтийский СПГ».

Автор статьи отмечает, что Туркменистан по-прежнему дистанцируется от всех постсоветских интеграционных объединений, куда входит Россия, и только принимает участие в заседаниях СНГ, где статус Туркменистана по его же просьбе сведен до уровня ассоциированного члена.

Негативное воздействие на отношения между Россией и Туркменистаном оказывает и проблема двойного гражданства. Власти Туркменистана в 2008 г. приняли новую Конституцию, согласно которой гражданам Туркменистана запрещается иметь второе гражданство. Таким образом, русскоязычное население, имеющее как российское, так и туркменское гражданство, не при-

знается в республике. Такая ситуация позволяет властям Туркменистана оказывать давление на Россию в вопросах о будущем признании лиц с двойным гражданством.

Туркменистан заинтересован в установлении внешнеэкономических связей с субъектами России. В центре экономических интересов Туркменистана – развитие сотрудничества с Татарстаном, Челябинской, Свердловской, Астраханской, Костромской, Псковской, Саратовской и другими областями. Ашхабад проявляет значительный интерес к новым технологиям по добыче и переработке нефти и газа. С этой целью нынешний президент Туркменистана Г. Бердымухамедов в июне 2019 г. прибыл с рабочим визитом в Татарстан, где ознакомился с новыми технологиями в сфере нефтедобычи и нефтепереработки.

В настоящее время Туркменистан, как и прежде, верен своей политике многовекторности и балансирует между мировыми влиятельными центрами силы. Имеющийся уровень доверия между Россией и Туркменистаном препятствует реализации всего имеющегося потенциала возможностей.

Е.А. Орлова и О.Г. Коваль [2] в своей работе затрагивают проблему возможной конкуренции для России со стороны Туркменистана в области снабжения азиатских стран и, в первую очередь Китая, энергоресурсами. Авторы считают, что нельзя недооценивать экспортный нефтегазовый потенциал Туркменистана. Это становится особенно актуальным в связи со строительством газопровода «Сила Сибири», нацеленного на возрастающий экспорт газа в Китай.

Исследователи ссылаются на данные экспертов о том, что в последнее время Китай все активнее развивает военно-техническое сотрудничество со странами – традиционными партнерами России в этой сфере и, прежде всего, со странами Центральной Азии. Что касается Казахстана, Узбекистана, Киргизии и Таджикистана, то импорт вооружения в эти страны не очень высок, да и расплачиваются они продукцией, не представляющей для России большого интереса. Другое дело – Туркменистан, который платит за импорт оружия газом.

В своей статье авторы приводят статистические данные о внешней торговле Туркменистана. Так, например, на сегодняшний день 36% оружейного импорта Туркменистана обеспечивается Турцией, 27 – Китаем, на российский сегмент импорта вооружений приходится только 20% от общего объема. Закупка вооружений у Китая осуществляется в основном за счет выручки от газовых

контрактов с Пекином, который является основным импортером туркменского газа. Такое сотрудничество с Пекином, по планам Ашхабада, предполагает наращивание добычи и экспорта газа (к 2030 г. до 250 млрд куб. м и до 180 млрд куб. м в год соответственно). Правда, несмотря на то что в настоящее время около 90% туркменского газа поставляется именно в Китай, по официальным данным, эти объемы в 2017 г. едва превысили 30 млрд куб. м. В 2018 г. Туркмения была на 1-м месте по поставкам газа в Китай (33,8 млрд куб. м), 2-е место занимала Австралия (23,6 млрд куб. м) и 3-е – Катар (10,3 млрд куб. м).

Анализируя товарную структуру экспорта Туркменистана в 2018 г., авторы отмечают, что почти 80% экспорта страны приходится на продукцию топливно-энергетического комплекса и в первую очередь газ. Трудно ожидать, что какие-либо отрасли могут существенно изменить структуру экономики, хотя в последнее время довольно много говорится о развитии туризма в стране.

Что касается экспорта топливно-энергетических ресурсов России, то в 2019 г. экспорт нефти составил 267,5 млн т. Основными направлениями поставок нефти являлись Китай (69,6 млн т – 26%), Нидерланды, Турция (8,2 млн т – 3%). Экспорт нефтепродуктов в Турцию составил 8 млн т, а в Китай – 7,9 млн т. На экспорт природного газа по трубопроводам пришлось в 2019 г. 219,9 млрд куб. м, из которых в Турцию поступило 15,1 куб. м. В Китайскую Народную Республику газ по трубопроводам из России в это время не поставлялся. Но небольшие объемы сжиженного газа в Китай поставлялись (1,79 млн т в 2019 г.). Планируется, что к 2024 г. по газопроводу «Сила Сибири» будет поступать в КНР до 38 млрд куб. м природного газа. Китай станет вторым по объему потребителем российского газа в мире после Германии, которая в 2018 г. экспортировала из России 58,5 млрд куб. м газа, обогнав занимающих сейчас 2-е и 3-е места Турцию (24 млрд куб. м) и Италию (22,8 млрд куб. м). Как видно из вышесказанного, несмотря на провозглашаемую политику диверсификации, в планы России входит наращивание объемов экспорта энергоресурсов как нефти, так и газа. Поэтому, по мнению авторов статьи, имеет смысл внимательно проанализировать, насколько возможен данный сценарий и не возникнет ли при этом конфликт с Туркменистаном. Ведь в планы Туркменистана также входит наращивание мощностей по добыче и экспорту газа, в первую очередь именно в Китай. Туркменистан рассчитывает на газопровод ТАПИ (Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия) мощностью в 33 млрд куб. м в год.

Существуют также перспективы строительства Транскаспийского газопровода, предусматривающего транзит туркменских энергоносителей в страны Евросоюза через Каспийское море и Закавказье, хотя в настоящее время Россия и Иран бойкотируют строительство трубопроводов по дну Каспийского моря.

К.А. Муратшина [3] затрагивает важную тему двустороннего сотрудничества между Россией и Туркменистаном, а именно – выявление институтов, через которые осуществляется взаимодействие между двумя странами в гуманитарной сфере. Автор показывает важность гуманитарного сотрудничества, к которому относятся связи в таких областях, как культура, наука, образование, работа с молодежью, спорт, туризм, информация и массовые коммуникации. Для изучения процессов сотрудничества и его развития важно знать институциональную структуру, которая может показать симметрию или асимметрию в отношениях между государствами, зрелость связей, содействовать аналитической работе и прогнозированию дальнейшего прогресса контактов.

Туркменистан известен своей закрытостью, а гуманитарная сфера – наименее изученная область отношений между Россией и Туркменистаном. К государственным институтам двустороннего гуманитарного сотрудничества в первую очередь относятся контакты на высшем уровне. Каждый год в рамках двусторонних контактов или «на полях» саммитов СНГ проходят встречи президентов и правительственных делегаций двух стран. Стороны развивают связи профильных организаций; так, в рамках сотрудничества министерств культуры осуществляются связи подведомственных им учреждений. Аналогично обстоит дело с научно-образовательным взаимодействием: подписаны документы о сотрудничестве между МГУ им. М.В. Ломоносова и Туркменским государственным университетом им. Махтумкули, МГИМО МИД РФ и Институтом международных отношений МИД Туркменистана, Российским государственным университетом нефти и газа им. И.М. Губкина и Международным университетом нефти и газа в Туркменистане и т.д. Помимо высшего образования связи осуществляются на уровне системы среднего образования.

Россия также заинтересована в сотрудничестве в области туризма в Каспийском регионе, поэтому в последние годы переговоры по этому вопросу велись особенно интенсивно. Туркменское государство полностью контролирует туризм: есть фиксированный список компаний, осуществляющих туристические услуги, постоянное сопровождение зарубежных граждан и фиксированные

маршруты для тургрупп. По информации Ростуризма, одобрение туркменской стороны на осуществление совместных проектов было получено лишь в 2019 г., после чего договоренности обрели конкретные очертания.

Следующий институт взаимодействия – это дипломатические представительства: посольство РФ в Ашхабаде и консульский пункт в Туркменбаши, а также туркменские посольство и консульский отдел в Москве, консульства в Астрахани и Казани. Они становятся организаторами мероприятий в разных сферах гуманитарного взаимодействия.

Туркменистан – это единственная центральноазиатская страна, где нет сети российских культурных центров. Как заявил в 2012 г. глава Россотрудничества К. Косачев, туркменские власти препятствуют приходу агентства в страну. Новый руководитель ведомства Э. Митрофанова в 2018 г. отметила, что агентство вынуждено разрабатывать «особый формат культурно-информационной деятельности» в связи с позицией Туркменистана. Причина – политика «туркменизации», которую с нарастающей интенсивностью проводит Ашхабад: закрепляется преобладание национального языка, искусства – всего вплоть до одежды. Распространение культуры других стран туркменские власти допускают лишь очень дозированно, несмотря на то что Россия – ближайший сосед, с которым прожито много лет вместе.

В Россотрудничестве туркменская сторона видит проводника «мягкой силы», хотя его работа призвана способствовать не навязыванию, а взаимному узнаванию культур и более активным контактам между людьми соседних дружественных стран. Тем не менее туркменской стороной пока было разрешено лишь проведение отдельных проектов по линии Россотрудничества.

Автор также отмечает важность негосударственных институтов сотрудничества. Первый из них – диаспоры. В СМИ и научной литературе нет данных об активности организованных структур русской общины в Туркменистане. Это объясняется полным контролем туркменского государства над обществом и политикой «туркменизации». Есть свидетельства о фактическом запрете со стороны властей Туркменистана создания таких весомых общественных организаций и также попытках полностью контролировать свою диаспору в России. Данных о точной численности русской общины в Туркменистане нет, известно только, что она серьезно уменьшилась после введения туркменской стороной запрета на выезд граждан с двойным гражданством. Некоторые соотечест-

венники остались жить в Туркменистане, а их культурные практики порой являются средством представления и продвижения культуры России. Автором данной работы был проведен опрос нескольких десятков мигрантов и студентов из Туркменистана. Отвечая на вопрос: «В Туркменистане Вы каким-то образом встречались с культурой России?» – два человека указали, что наблюдали, как русские отмечают православные праздники. Основным же «каналом» соприкосновения с русской культурой, как показывает опрос, является изучение русского языка и литературы в школе. Объединения, созданные туркменской диаспорой в российских регионах, носят организованный характер, и в тех городах России, где есть туркменские диаспоры, проводятся праздники и мероприятия, посвященные туркменской культуре.

В заключение автор делает вывод, что в целом гуманитарная сфера российско-туркменского взаимодействия достаточно институционализирована. Большинство институтов – государственные. Объем возможностей прямых связей обществ стран пока невелик, сказывается закрытость Туркменистана. Если на государственном уровне присутствует симметрия (взаимодействие министерств, учреждений, подведомственных им, региональных органов власти), то на негосударственном наблюдается полная асимметрия в результате политики туркменской стороны, не дающей возможности общественным структурам дружественного соседнего государства вести активную деятельность на территории Туркменистана. Российская же сторона в полной мере выполняет принципы двусторонних связей, диктующие также необходимость гарантировать «свободное и равноправное развитие культур российского меньшинства, проживающего на территории Туркменистана, и туркменского меньшинства, проживающего на территории РФ». В структуре сотрудничества отсутствует ряд государственных и негосударственных институтов, типичных для других партнерств России с центральноазиатскими странами: в Туркменистане не разрешена деятельность подразделений Россотрудничества; нет прямых связей между молодежными объединениями и постоянного прямого взаимодействия организаций в сфере СМИ. Автор уверена, что России необходимо отстаивать идеи сохранения и расширения сложившихся за десятилетия связей.